

Хайдемари Залевски/Берлин

Коммуникация как зеркало изменяющейся цивилизации (на примере внутрикультурной и межкультурной коммуникации в Германии)

Введение

Коммуникация как форма социального действия тесно связана с субъективным смыслом, относящимся к мышлению, эмоциям и деятельности других. Процесс и результат коммуникации, как в интракультурной, так и в интеркультурной (без участия переводчика), а также в транскультурной коммуникации (с участием переводчика) определяются зависимостью от заданных целей, а также от возможностей интерпретации в данный отрезок времени в определенном социо-культурном пространстве и в определенных условиях. Это является причиной адаптации, модификации, сокращений и дополнений текстов. Важную роль в этом контексте играет также субъективный аспект читателя или слушателя.

В докладе сначала излагается способ изучения динамики коммуникации с точки зрения социо-культурной теории французского социолога Пьера Бурдьё (ч. 1), а во второй части освещаются проблемы коммуникации между Восточной Германией (бывшей ГДР) и Западной Германией (бывшей ФРГ) с момента их воссоединения в 1990 году. В третьей части сравниваются три немецких перевода повести Василия Гроссмана «Все течет...». На примерах из перевода, сделанного в Западной Германии в 1972 г., затем в бывшей ГДР в 1990 г., а затем из перевода, сделанного уже в объединенной Германии в 2010 г. иллюстрируется влияние изменяющейся цивилизации в Германии, социо-культурной ситуации в 1972, 1990 и 2010 годах.

1. Изучение коммуникативных процессов на основе теории Пьера Бурдьё

Значение общественных изменений для коммуникации, изучение коммуникации как взаимодействия (интеракции) разных факторов, опыт дезинтеграции и перелома входят в число самых актуальных вопросов теории коммуникации, психологии и социологии, системной теории, культурологии и транслятологии (ср. Salevsky/Müller 2011).

В работах Пьера Бурдьё (1930-2002), одного из крупнейших французских социологов XX века, анализируется сила объективных социальных структур в обществе и их влияние на выявление субъективных образцов мышления,

восприятия и воздействия на людей (агентов) (ср. Bourdieu 1987). Теория Бурдьё – это интегральная теория, которая представляет собой попытку преодоления противоречий между макро- и микроанализом (ср. Bourdieu 1991a, 1999). С этой целью Бурдьё вводит понятия: «социальное пространство», «поле», «капитал» и «габитус».

Социальное пространство – это совокупность полей¹, специфических «под-пространств», напр. поле литературы. Именно распределение различных видов капитала (экономического, культурного и т. д.) в социальном пространстве и структурирует его.

Одним из базовых понятий концепции Бурдьё является понятие „габитуса“ (habitus), которое восходит к Аристотелю. Во второй книге своей работы «Никомахова этика» (примерно 335-323 до н.э.) Аристотель определяет „габитус“ как нечто, «что делает, что мы правильно ведем себя, [...] если удастся придерживаться середины между двумя крайностями» (Aristoteles 1985:33).

Для Бурдьё „габитус“ – это целостная система диспозиций восприятия, оценки, классификации и действий, результат опыта и интериоризации индивидом социальных структур, носящая неосознанный характер (ср. Bourdieu 1991b: 143; Bourdieu 2005:43). Применяя терминологию Зигмунда Фрейда, Бурдьё определяет „габитус“ также как культурно-бессознательное (ср. Bourdieu 1991b:115).

„Габитус“ – это система точных приобретенных предрасположенностей (dispositions), принципов, которые порождают и организуют практики и представления (ср. Bourdieu 1990:131).

Вводя понятие „габитус“, Бурдьё пытается снять противопоставление социальной структуры и личных практик индивида.

Агенты, исходя из своих практических схем, по-разному воспринимают, оценивают и выражают социальную действительность. Это сказывается как в устной и письменной коммуникации, так и в переводе (ср. Salevsky/Müller 2011).

Язык является неотъемлемой частью социальной жизни, поэтому любая культурно-языковая интеракция, включая перевод, носит отпечаток социальных структур. Нельзя не согласиться с Бурдьё, который отвергает любую форму анализа текстов, который сосредотачивается только на внутренних аспектах текста, не принимая во внимание исторические, а

---

¹ Бурдьё определяет «поля» как „[...] historically constituted areas of activity with their specific institutions and their own laws of functioning [...] by relations of power and struggle in order to transform the power relations that are constitutive of the field“ (Bourdieu 1990:87-88).

также социо-культурные условия производства и восприятия текстов. Нельзя отделить эффект текста от той совокупности социальных взаимоотношений, которая дает индивидам власть, статус и ресурсы, т.е. нельзя отделить от тех аспектов (как места, времени, действующих лиц и т.п.), которые являются условием для достижения желаемого эффекта текста (ср. Müller 2008).

Если тексты являются продуктами взаимоотношений между «габитусом» и «полем», то языковой «габитус» является подгруппой тех диспозиций, которые представляют собой «габитус». Антиципация возможного восприятия текста и предполагаемой его значимости оказывают влияние на процесс коммуникации, на производство текста и его эффект (ср. Salevsky/Müller 2011).

2. Проблемы коммуникации между жителями Восточной и Западной Германии, начиная с воссоединения Германии в 1990 году

Какие проблемы коммуникации могут появиться между разными коммуникативными сообществами внутри одной и той же языковой общности, видно на примере коммуникации в объединенной Германии.²

Прошло уже более 20 лет после воссоединения Германии, но тем не менее продолжает существовать разный «габитус» коммуникации. Исторические корни этого процесса восходят к основанию обоих германских государств. Оба общества и их «габитус» коммуникации развивались по-разному до падения Берлинской стены в ноябре 1989 г. Несмотря на тот факт, что сорок лет являются исторически коротким периодом времени, это время было достаточным для того, чтобы возникли разные иерархии ценностей, разные взгляды и менталитеты. Это связано прежде всего с сознательной или бессознательной идентификацией с западной (прежде всего американской) и восточной (прежде всего советской) культурой коммуникации соответственно в Западной и Восточной Германии. Основой этого являются разная этика, разные представления о личности, разные взгляды о дистанции и близости, о взаимоотношениях мужчин и женщин, в частности об их равноправии.

К моменту воссоединения Германии в 1990 году в Западной Германии проживало 60 млн., а в восточной части 17 млн. человек. Экономическая и

---

² Ср. по этой проблематике и понятие «культуры коммуникации» (Klein 2009:12 et passim); ср. также изложение о нарушенной коммуникации (Watzlawick 2007); об образах мышления см. Moebius/Quadflieg 2006:53). Это касается и проблем культурной идентичности, вытекающих из образцов поведения и коммуникации. Связаны с этим и вопросы меньшинств, пренебрежения их интересами, социальной дезинтеграции на основании расы, религии, пола, возраста и т.п.

юридические системы Западной Германии были распространены на восточную часть Германии. Поэтому многие ожидали также одностороннего приспособления восточных немцев к западногерманской культуре коммуникации. Но этого не произошло вследствие различного социально-культурного развития обеих частей Германии, что, однако, нельзя отождествлять с политической системой в ГДР, рухнувшей в 1989 году. Для «габитуса», очевидно, первичная социализация индивида играет решающую роль.

Западногерманская культура коммуникации ставит в центр индивидуальность, успех и статус человека, в то время, как в восточногерманской культуре коммуникации упор делался на общность, на межличностные отношения. Неожиданная отчужденность (несмотря на тот же самый язык) может вселить в человека неуверенность и чувство беспомощности. Умаляющие, недифференцированные суждения на фоне собственного контекста не помогают преодолевать имеющиеся предрассудки на обеих сторонах.

Человек, попадающий в чуждую ему культуру, обычно испытывает «культурный шок». Относительно коммуникации между людьми Восточной и Западной Германии можно было бы говорить о «коммуникативном шоке».

В своей книге „Ihr könnt uns einfach nicht verstehen! Warum Ost- und Westdeutsche aneinander vorbei reden“ (Berlin: ProBUSINESS 2009) [Вы нас просто не понимаете! Почему восточные и западные немцы говорят на разных языках] Олаф Георг Кляйн (Klein 2009:87) говорит о «коммуникативном тумане», в котором оказались западные немцы, которые как руководители разных групп и коллективов были не в состоянии надлежащим образом понимать и правильно оценивать формы коммуникации восточных немцев. Они нередко удивлялись непредвиденному ходу и результату коммуникации. Причиной этому был тот факт, что они считали собственный «габитус» единственно возможным, а сознательно или бессознательно ожидаемая с их стороны адаптация восточных форм коммуникации к западным не осуществлялась. Уже много лет Олаф Георг Кляйн консультирует и тренирует западных немцев, работающих в новых федеральных землях (бывшей территории ГДР). Хотя автор в этой книге дает также рекомендации и восточным немцам для их коммуникации с западными немцами, не трудно догадаться уже после первых страниц книги, что она написана человеком из Западной Германии.

Самым главным, как мне кажется, является знание причин нежелаемых эффектов в коммуникации и стремление уметь определять ожидания, иерархии ценностей, а также возможности интерпретации текста партнером коммуникации для того, чтобы можно было их учесть в собственном поведении и в собственных высказываниях.

С этого и начинается творческий аспект профессии культурного посредника. Он должен знать «незримые границы» в такой степени, чтобы быть в состоянии помогать партнерам коммуникации преодолевать их, например, введением нехватящих фоновых знаний, а также возможных коннотаций и ассоциаций. Как раз они и изменяются в зависимости от данных социо-культурных условий и от временного контекста.

3. Повесть Василия Гроссмана «Все течет...» и три ее немецких перевода как зеркало социо-культурной ситуации в Германии в 1972, 1990 и 2010 годах.

В процессе перевода переводчик имеет дело с преодолением разного рода границ. Речь идет о сознательном подходе и к тем границам, которые проявляются даже там, где они, кажется, уже не существуют. Это приводит к необходимости давать разные пояснения к одному и тому же тексту в разные периоды времени. Именно путем контакта с «другим» и определяется «собственное», ибо в процессах восприятия и оценки текстов мы сознательно или бессознательно исходим из тех образцов, которые нам привила собственная культура.

Как общество определяет свою культуру?

Большой вклад в ответ на этот вопрос внес Юрий Лотман, который писал:

„From the semiotic point of view culture may be regarded as a hierarchy of particular semiotic systems, as the sum of the texts and the set of functions correlated with them, or as a certain mechanism which generates these texts. If we regard the collective as a more complexly organized individual, culture may be understood by analogy with the individual mechanism of memory as a certain collective mechanism for the storage and processing of information.”
(Lotman/Uspenskij/Ivanov/Toporov/Pjatigorski 1975:73)

Ссылаясь на Лотмана, немецкий семиотик Познер определяет четыре типа культурных сфер. Это а) внекультурная – сфера, совершенно неизвестная членам данного общества; б) не-культурная – сфера, знакомая членам данного общества, но кажущаяся им противоположной по отношению к собственной культуре; в) культурно-периферийная – сфера, рассматриваемая членами данного общества как часть собственной культуры, но которую они считают не центральной; г) культурно-

центральная – сфера, воспринимаемая членами данного общества как часть своей культуры и которую они считают важной для собственной идентичности (ср. Posner 1992:36). Эти сферы могут меняться и в рамках одной культуры в разное время, а естественно могут быть разными в разных культурах, в разных языковых общностях и в разных коммуникативных сообществах. Но это деление помогает выявить главные этапы изменения культуры и показывает, как рассматриваются отдельные сегменты действительности в прошлом и в настоящем. С этим связан и престиж определенной культуры в обществе в определенное время. Последнее в немалой степени определяет, ЧТО переводится, КТО имеет право быть переводчиком, а также КАК переводится определенный текст, например, произведение художественной литературы. Поэтому вышеназванный подход оказывается плодотворным при решении задач сравнительного изучения цивилизаций и их связи с разными переводами одного и того же произведения художественной литературы. Комплексность процесса перевода и сами переведенные тексты представляют собой сжатую программу данной цивилизации с совокупностью взглядов как на прошлое, так и на настоящее время (ср. Salevsky/Müller 2010; Salevsky/Müller 2011).

В качестве примера этому можно привести повесть Василия Гроссмана (1905-1964) «Все течет...» и три ее перевода на немецкий язык. Название повести, восходящее к древнегреческому философу Гераклиту (р. ок. 544-540 до н.э.) и его основной мысли „panta rhei“ (ср. Гераклит: Фрагмент 91), символизирует непрерывное изменение вещей и относительность человеческих дел и поступков. Гроссман хочет передать нам, что для того, чтобы действительно познать вещи и приблизиться к истине, необходимо выйти за рамки очевидного и преодолеть «общее мнение».

Повесть «Все течет...» сначала распространялась самиздатом, а в 1970 году на основе микрофильма была издана в Западной Германии в издательстве «Посев»³. Это русское издание повести было основой для переводов на итальянский, английский, французский, сербский, испанский и шведский языки, а также для первого немецкого перевода, который вышел в 1972 году в том же издательстве «Посев».

Второй немецкий перевод повести вышел в свет в 1990 г. в бывшем восточногерманском издательстве „Volk und Welt“, причем исходным

---

³ Издательство «Посев» было основано в 1945 г. русскими эмигрантами с целью издания таких произведений русских авторов, которые по политическим причинам не публиковались в Советском Союзе (более подробно см. Salevsky 2002:466-467).

текстом для этого перевода служил своего рода второй оригинал, который был опубликован в шестом номере журнала «Октябрь» за 1989 год, 25 лет после смерти автора.

Третий немецкий перевод был опубликован в издательстве „Ullstein“ в 2010 г., 20 лет после воссоединения Германии.

Каждый из этих трех немецких переводов возник в разном контексте, где приходилось учитывать отличающиеся друг от друга фоновые знания для восприятия и понимания текста.

Перед тем, как привести несколько примеров из трех немецких переводов, позвольте несколько слов о содержании повести:

В период «оттепели», после 29-летнего заключения в лагере Иван возвращается домой. Для него не самое страшное, что многих знакомых уже нет в живых. Более фатальны для него попытки родственников оправдываться перед ним. В надежде получить от него прощение, своего рода отпущение, двоюродный брат говорит ему: «Ваня, Ванечка, дико, странно, но я завидую тебе, завидую тому, что в страшном лагере ты не должен был подписывать подлых писем, не голосовал за смертную казнь невинным, не выступал с подлыми речами...» (Гроссман 1970:39).

Иван встречает Анну, женщину, которой самой пришлось пройти трудный жизненный путь. Она испытывает любовь к нему и понимает его внутренние мучения. Но Анна заболевает раком. В то время, как она борется со смертью, он в отчаянии ищет причины богатой страданиями истории своего народа.

Однако, такой поиск причин, от которых пострадали миллионы невинных людей, встречал отпор со стороны властей как в самом Советском Союзе, так и в Восточной Германии. Незаинтересованность в выявлении истины характеризует и государство и отдельного человека. Только после публикации художественных произведений такого рода в Советском Союзе мог выйти в свет и немецкий перевод повести Гроссмана в Восточной Германии. Это объясняет, почему первый перевод на немецкий язык был опубликован сначала в Западной Германии (в 1972 г.). Этот факт, кроме того, показывает, как тесно связаны переводы 1972 и 1990 годов с обществом в бывшей Западной и с обществом в бывшей Восточной Германии.

Николай Артёмов, переводчик первого немецкого перевода, вышедшего в 1972 г., явно обращался к западногерманским читателям. Так в начале

своего перевода он дает перечень фамилий, имен и отчеств, а также уменьшительных форм имен персонажей, а в конце еще перечень 75 фамилий с биографическими данными исторических личностей, встречающихся в повести. Таким образом, он считал необходимым превратить имплицитную для советского читателя, а также большей частью и для восточногерманского читателя информацию в эксплицитную информацию.

Ренате Ланда, переводчица второго немецкого перевода, вышедшего в 1990 г., явно имела ввиду читателей Восточной Германии (бывшей ГДР), для которых понимание текста было намного легче благодаря сходству общественного строя СССР и ГДР, а также в результате более глубоких знаний советской действительности вследствие тесных контактов между обеими странами. Переводчица могла себе позволить опустить примерно половину тех примечаний и объяснений по сравнению с первым переводом за 1972 год. Примерно 50 процентов тех объяснений, которые переводчица считала ненужными, были понятны гражданам ГДР из учебников, широко распространенной русской художественной литературы, из фильмов и средств массовой информации (ср. по этой проблематике также Salevsky 1998). Это касалось, напр., таких имен как Будённый (главнокомандующий конной армией), Деникин и Колчак (командующие Белой армией), таких имен как Надежда Константиновна Крупская (жена Ленина), Михаил Ломоносов (выдающийся русский ученый – основатель Московского университета). Фотографии здания университета содержались в гэдээровских школьных учебниках по русскому языку, причем следует отметить, что русский язык в школах ГДР являлся обязательным предметом.

Аннелоре Ничке, переводчица третьего немецкого перевода, вышедшего в 2010 г., сослалась на объяснения первого немецкого перевода. Она полностью переняла перечень, содержащий 75 фамилий с биографическими данными исторических личностей из перевода, опубликованного в Западной Германии в 1972 г.

Если применить вышеназванные четыре сферы культуры к этим трем переводам, можно констатировать следующее различие. Та информация, которая для западногерманского читателя 1972 г. была информацией во внекультурной сфере, для восточногерманского читателя вплоть до 1990 г. оказалось в культурно-центральной сфере. А вот 20 лет позже эта сфера опять превратилась во внекультурную сферу.

Для иллюстрации приведу три примера.

Первый пример: перевод русского слова «пионервожатая»

(ср. Гроссман 1979:61; 1989:53)

Напомним, что пионерская организация была основана в советской России в 1922 г. В Восточной Германии, т.е. в тогдашней советской оккупационной зоне, пионерская организация была основана по этому образцу в 1948 г. В обеих странах имелись курсы подготовки пионервожатых в педагогических вузах. Такие «пионервожатые» работали во всех школах ГДР и назывались „Pionierleiterinnen“.

А слово „Pionierführerin“, которое мы встречаем в переводе 1972 года для западногерманских читателей (ср. Grossman 1972:74), в Восточной Германии не употреблялось из-за созвучия с нацистским термином «фюрер». В переводе 2010 г. опять применяется именно это слово (ср. Grossman 2010:69).

Второй пример: перевод русского слова «субботник»

(ср. Гроссман 1970:159; 1989:90)

Как известно, «субботники» проводились в советской России с 1919 г. как добровольная бесплатная работа по субботам. Слово и мероприятие «субботник» вошли и в жизнь ГДР. Поэтому в переводе для читателей Восточной Германии это слово можно было использовать без объяснения (ср. Grossman 1990:157). С пометой «бывш. ГДР» это слово даже имеется в большом словаре немецкого языка Дуден (Duden, т. 7, 1995:3309). Слово „Samstagsarbeit“ [работа по субботам], использованное в переводе для читателей Западной Германии (ср. Grossman 1972:187), не содержит в себе значения ни добровольного ни бесплатного характера этой работы. Немецкое выражение „gesellschaftliche Arbeit an Samstagen“ [общественная работа по субботам] из перевода 2010 г. (ср. Grossman 2010:172) является уже более удачным вариантом, однако еще не раскрывает полного значения, которое связано с целым движением в те времена.

Третий пример: перевод слова «инструктаж»

(ср. Гроссман 1970:122; 1989:77)

В оригинале дается: «И когда инструктаж был ...».

Амбивалентным является перевод 1972 г. (ср. Grossman 1972:146): „Und wenn Instruktion war...“. В переводе 1990 г. встречается принятое для такого мероприятия в ГДР слово „Anleitung“ (ср. Grossman 1990:122-123). Такие „инструктажи« («Anleitungen», напр. в рамках партучебы) имели место как в бывшем СССР, так и в бывшей ГДР. В переводе 2010 г. опять встречается слово „Instruktion“: („Wenn Instruktion gegeben

wurde...“ (Grossman 2010:134). Хотя слово „Instruktion“ имеет и значение директивы, указания, оно не употреблялось для названия этого мероприятия в то время.

Можно было бы привести еще многие другие подобные примеры.

Заключение

Анализ показывает правоту тезиса Вильгельма Гумбольдта о том, что в любом тексте заключены условия его производства (ср. Humboldt 1836-1839, т. 1.1:10).

Идентичное употребление соответствующих слов в русском и немецком языках данного времени в отличие от их употребления в Западной Германии 70-х годов и в сегодняшней Германии явно демонстрирует, что коммуникация является зеркалом цивилизации.

Андрей Лефевре из университета г. Остин в Техасе выразил эту мысль по отношению к переводу следующим образом:

„[...] the study of translation can teach us a few things not just about the world of literature, but also about the world we live in“ (Lefevre 1990/1995:27).

[Изучение перевода может научить нас кое-чему не только о мире литературы, но также и о мире, в котором мы живем.]

Литература

- Aristoteles (1985): *Nikomachische Ethik* / Rolfes, E. (transl.) ; Bien, G. (ed.). Hamburg : Meiner
- Bourdieu, Pierre (⁴1987): *Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft* / Schwibs, Bernd ; Russer, Achim (transl.). Frankfurt a.M. : Suhrkamp
- Bourdieu, Pierre (1990): *In Other Words : Essays Towards a Reflexive Sociology* / Adamson, Matthew ; Lawson, Matthew (transl.). Oxford : Polity Press
- Bourdieu, Pierre (1991a): *Die Intellektuellen und die Macht* / Dölling, Irene (ed.) ; Bolder, Jürgen (transl.) ; Nordmann, Ulrike (Mitarb.) ; Steinrücke, Margareta (Mitarb.). Hamburg : VSA-Verl.
- Bourdieu, Pierre (⁴1991b): *Zur Soziologie der symbolischen Formen* / Fietkau, Wolfgang (transl.). Frankfurt a.M. : Suhrkamp (Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft 107)
- Bourdieu, Pierre (1999): *Die Regeln der Kunst. Genese und Struktur des literarischen Feldes* / Schwibs, Bernd ; Russer, Achim (transl.). Frankfurt a.M. : Suhrkamp
- Bourdieu, Pierre (2005): *Die männliche Herrschaft* / Bolder, Jürgen (transl.). Frankfurt a.M. : Suhrkamp
- Гроссман, Василий (1970): *Все течет...* Франфурт-на-Майне : Посев
- Grossman, Wassilij (1972): *Alles fließt...* / Artemoff, Nikolaj (transl.). Frankfurt a.M. : Possev
- Гроссман, Василий (1989): *Все течет*. В: Октябрь 66 (1989), № 6, стр. 30-108
- Grossman, Wassilij (1990): *Alles fließt. Erzählung* / Landa, Renate (transl.). Berlin : Volk und Welt
- Grossman, Wassili (2010): *Alles fließt* / Nitschke, Annelore (transl.). Mit einem Nachwort von Franziska Thun-Hohenstein. Berlin : Ullstein
- Humboldt, Wilhelm von (1836-1839): *Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java, nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. 3 Bde. Berlin : Königliche Akademie der Wissenschaften 1836-1839. Repr. Darmstadt; Berlin: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1962
- Klein, Olaf Georg (2009): *Ihr könnt uns einfach nicht verstehen. Warum Ost- und Westdeutsche aneinander vorbeireden*. Berlin : Pro BUSINESS

- Lefevere, André (1990/1995): Translation: Its Genealogy in the West. In: Bassnett, Susan ; Lefevere, André (eds.) (1990, new ed. 1995): *Translation, History and Culture*. London : Pinters (1990); New York : Cassell (1995)
- Lotman, Jurij M. ; Uspenski, Boris A. ; Ivanov, Vyacheslav V. ; Toporov, Vladimir N. ; Pjatigorski, Aleksandr M. (1975): Theses on the Semiotic Study of Cultures (as Applied to Slavic Texts). In: Sebeok, Thomas A. (ed.): *The Tell-Tale Sign : A survey of Semiotics*. Lisse/Netherlands : The Peter de Ridder Press., pp. 57-84
- Moebius, Stephan ; Quadflieg, Dirk (Hrsg.) (2006): *Kultur. Theorien der Gegenwart*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften
- Müller, Ina (2008): *Die Übersetzung von Abstracts aus translationswissenschaftlicher Sicht (Russisch-Deutsch-Englisch) : Eine Untersuchung am Beispiel von Abstracts aus russischen Fachzeitschriften zur Schweißtechnik und ihren Übersetzungen ins Deutsche und Englische*. Berlin : Frank & Timme (Ost-West-Express : Kultur und Übersetzung 5). – Diss., Universität Hildesheim, Fachbereich III Informations- und Kommunikationswissenschaften
- Posner, Roland (1992): Was ist Kultur? Zur semiotischen Explikation anthropologischer Grundbegriffe. In: Landsch, Marlene ; Karnowski, Heiko ; Bystřina, Ivan (eds.): *Kultur-Evolution. Fallstudien und Synthese*. Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang, pp. 1-65
- Salevsky, Heidemarie (1998): Mit Dovlatov in Amerika. In: Salevsky, Heidemarie: *Über die Sprache hinaus. Beiträge zur Translationswissenschaft*. Heidelberg: TEXTconTEXT (TEXTconTEXT Wissenschaft 5), S. 237-244
- Salevsky, Heidemarie (2002): *Translationswissenschaft. Ein Kompendium*. Bd. 1 / Müller, Ina ; Salevsky, Bernd (Mitarb.). Frankfurt a.M. ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien : Lang
- Salevsky, Heidemarie ; Müller, Ina (Hrsg.) (2010): *Die russische Kultur und ihre Vermittlung*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien : Lang
- Salevsky, Heidemarie ; Müller, Ina (2011): *Translation as Systemic Interaction. A New Perspective and a New Methodology*. Berlin : Frank & Timme
- Watzlawick, Paul ; Beavin, Janet H. ; Jackson, Don D. (¹¹2007): *Menschliche Kommunikation. Formen, Störungen, Paradoxien*. Bern : Huber